

Цзя И лежал на мягкой, плотной спальной циновке, глядя на лучики солнца, пробивавшиеся сквозь окно. Все эти дни его мысли не успокаивались ни на мгновение. Убогий дом, глиняная черепица на крыше, всевозможные фарфоровые сосуды, которые в грядущие эпохи стоили бы целое состояние, — всё это говорило ему об одном. Он невероятно удачно вернулся в эпоху Цинь. Конечно, не всем телом, а лишь своей душой.

Стоило ему немного задуматься, как в голове закружилась карусель, и лишь долгое время спустя всё стихло.

Что вообще произошло? Что случилось с тем проклятым местом? Почему его душа вселилась в другого человека? Сможет ли он вернуться обратно? Как же, должно быть, переживают родные и друзья!

При мысли о родителях Цзя И едва не заплакал от боли. Ради прикрытия тайного агента он уже целых двенадцать лет не связывался со своими престарелыми матерью и отцом. Он сам говорил, что станет героем, что заставит родителей гордо поднять головы, но кто же знал, что его забросит в эту эпоху.

Бросив взгляд на отражение в бронзовом зеркале, он с удивлением обнаружил там утонченного и интеллигентного книжника. По сравнению с его прежней внешностью остроносой крысы, нынешний облик был хорош во много-много раз. Похоже, вернуться и впрямь не получится, — с вздохом подумал он.

Скользнув взглядом за окно, он увидел вдали пышную зелень, а небо — невероятно чистой, пронзительной лазури, по которой плыли неспешные белые облака. Пролежав столько дней, Цзя И вдруг захотелось выйти наружу и посмотреть, неужели древнее небо и вправду так сильно отличается от неба будущих веков.

Он изо всех сил уперся руками в циновку, чувствуя, как по всему телу отзывается ноющая боль, но всё же медленно сел ровно. Прислонившись к оконному проему, он вцепился обеими руками в подоконник, чтобы удержать вес тела. Теплое солнце заставило его почувствовать себя гораздо лучше.

Внезапно в груди Цзя И что-то всколыхнулось: теплая волна совершила полный круг по его телу. Там, где она проходила, наступало удивительное умиротворение, а прежняя слабость и ломота в мышцах пропали. Голова прояснилась, и вчерашняя туманная тяжесть исчезла без следа. Откуда такая реакция? Неужели это синдром попаданца?

Он машинально глянул на рану на груди: короткий меч хоть и вынули вовремя, но шрам остался длиной с целый дюйм. К счастью, лечили его оперативно, и теперь опасности не было.

Едва это странное ощущение схлынуло, Цзя И почувствовал, как к нему стремительно возвращаются силы, и в нем снова проснулось любопытство.

Что вообще происходит? Неужели в этом мире он, подобно героям историй из кинофильмов, превратился в неубиваемого таракана?

Пока он предавался нарциссизму, кто-то толкнул дверь и вошел внутрь.

Услышав звук, Цзя И сперва подумал, что это его новоиспеченная жена. Он обернулся, лицо его мгновенно побледнело, а правая рука сама собой шальнула к поясу, но тут он вспомнил, что переместился лишь душой и уж точно не мог прихватить с собой пистолет или какое-нибудь другое средство самообороны. С трудом умирив бурю в душе, он выдавил: — Кто ты? Какая между нами вражда? Зачем ты хочешь меня убить?

Вошедший замер от удивления и горько усмехнулся: — С какой стати мне тебя убивать?

Цзя И долго всматривался в этого человека и, не уловив в нем ни малейшей кровожадности, немного успокоился. Он недоверчиво спросил: — Ты и вправду пришел не убивать меня?

— Если бы я хотел тебя убить, стал бы я тебя спасать? По твоему, те коновалы смогли бы вылечить столь тяжелые раны? — презрительно фыркнул тот.

Но Цзя И всё равно не до конца ему верил: — Но перед тем, как я пострадал, я отчетливо видел, что это ты ударил меня ладонью.

Заметив с какой уверенностью тот говорит, визитер понял, что ошибки быть не может, однако озадаченно переспросил: — Серьезно?!

Цзя И был уже готов поставить всё на кон. Жить в постоянном страхе, зная, что за тобой охотится кто-то из сильных мира сего — не самое приятное занятие, да и ему самому безумно хотелось узнать имя своего убийцы. Чекая каждое слово, он выпалил: — Разумеется, серьезно!

Мужчина долго размышлял, но в конце концов покачал головой: — Я осмотрел твои раны, их действительно нанесли с помощью Техники Трех Абсолютов. Сначала я удивился, но теперь вижу: нападавший намеренно подражал мне, чтобы сбить со следу. — Сказав это, он сердито отчитал Цзя И: — И надо же тебе быть таким бестолковым! Тот негодяй смог скопировать мою технику, но не уловил ее истинной сути. Занимайся ты боевыми искусствами прилежно, будь у тебя хоть десятая доля мастерства твоего отца, ты бы давно разрубил этого негодяя клинком! И не валялся бы потом целый месяц прикованным к постели!

Выругавшись, мужчина вдруг что-то вспомнил и резко сменил тему: — По идее, при твоих ранениях, если бы ты ежедневно занимался циркуляцией ци и залечивал тело, максимум через неделю-другую ты бы уже был на ногах. Почему же ты провалялся больше месяца и до сих пор такой развалюха?

Возможно, прежнему Цзя И эти слова бы и помогли, но нынешний Цзя И не имел ничего общего с прежним. Это были две совершенно разные души. Цзя И понятия не имел, как циркулирует энергия ци, и владеть подобными методами не умел. Ему пришлось скрепя сердце признать: — Тот негодяй ударил меня по голове, и кроме событий того злополучного дня я ничегошеньки не помню. Я даже родителей своих вспомнить не могу, не говоря уже о каких-то боевых искусствах!

— Что? — Мужчина застыл в изумлении, протянул широкую ладонь и легко перехватил запястье Цзя И. Ощупывая пульс, он нахмурился так, что брови сошлись на переносице, но так и не смог определить, в чем именно кроется недуг Цзя И. Он даже рискнул влить капельку своей внутренней энергии для проверки, но в итоге всё равно ничего не добился. Закончив диагностику, мужчина тяжело вздохнул, засунул другую руку за пазуху, вытащил небольшую книжицу и швырнул ее Цзя И. — Здесь Техника клинка Темного Нефрита и комментарии к технике дыхания. Упражняйся как следует. Получишь еще одну такую рану — я сам тебя прикончу, чтобы ты больше не позорил отца.

С этими словами мужчина развернулся и вышел из комнаты. В воздухе еще долго висело эхо его слов: — А с тем ублюдком, что притворился мной, я разберусь сам. Сам о себе позаботься!

Когда Цзя И выбежал следом на улицу, от гостя уже и след простыл.

Снаружи раскинулась тихая, уединенная деревушка. Вдалеке тянулись шахматные узоры полей, по правую руку от селения зеленела бамбуковая роща, сквозь которую к горизонту бежал прозрачный ручей. Из бамбучника доносился едва слышный девичий смех. Слева возвышались холмы. Об этих местах ему рассказывала Сыянь: это были предгорья Маньшаня.

Глядя на зажатую в руке брошюру, Цзя И глубоко вздохнул: — Эх, надежнее всего рассчитывать на собственные силы!

Хотя тот мужчина и пообещал лично отыскать поддельного Ли Гуя, и мастерством обладал поистине грозным, Цзя И не собирался полагаться лишь на чужую милость. Во-первых, кто знает, правду ли тот говорил, а во-вторых, собственная сила — это то, на что можно положиться наверняка. В прошлой жизни он всегда так поступал, и в этой придется действовать точно так же. К тому же он прикинул про себя: сейчас эпоха правления Цинь Шихуана, который, кажется, должен скоро отдать Богу душу, после чего начнется великая междоусобица. Хотя у самого Цзя И не было амбиций занять министерский пост или получить титул маршала, в такую смутную пору без капли мастерства просто не выжить.

Жаль только, что в школе Цзя И учился не слишком усердно. Он вроде бы помнил, что в конце концов победителем вышел Лю Бан, но все остальные детали напрочь вылетели из головы. Если бы ему удалось разыскать Лю Бан, польстить ему пару раз, то когда тот взойдет на императорский трон, глядишь, и ему бы перепало каких-нибудь благ. Вот только где скрывается этот Лю Бан, он понятия не имел. — Как говорится: книги нужны, пока не доходит до дела! — Вся его грандиозная идея пристроиться под крылышко к Лю Бану, пойти в гору, купаться в роскоши и набрать сколько душе угодно красавиц рухнула, так и не успев воплотиться в жизнь.

При слове «красавица» он невольно вспомнил о девушке, что находилась рядом с ним. В прошлой жизни Цзя И в свои тридцать пять с хвостиком оставался девственником, и в глубине души уже давно мечтал овладеть этой прелестницей. Но стоило ему вспомнить, что ей всего шестнадцать, как всякое желание пропадало. В конце концов, он ведь тоже был полицейским — пусть прослужил меньше месяца, прежде чем внедряться в банды на добрый десяток лет, но он же оставался хорошим копом! Нельзя же вот так бессовестно обманывать наивных девушек. Впрочем, в такой реакции Цзя И не было ничего странного: типичная психология закоренелого девственника. Проще говоря: охота пуще неволи, но смелости ноль, максимум — глазами понаблюдать да полакомиться чужой красотой.

Пока Цзя И предавался раздумьям, вернулась Сыянь с деревянным тазом в руках. На ней было простое серое платье из грубой пеньковой ткани, а привычное белое одеяние она куда-то убрала. С тех пор как разум Цзя И прояснился, на ее лице каждый день сияла улыбка. Напевая себе под нос песенку, она с безмятежным видом вошла во двор.

Заметив ее возвращение, Цзя И хотел было выйти поприветствовать девушку, но стоило ему добраться до порога, как ноги подкосились, и он досадным образом споткнулся о порожек, шмякнувшись прямо носом в землю. Увидев это, Сыянь испуганно ахнула, с грохотом уронила таз на землю и со всех ног бросилась к нему на помощь.

Цзя И как раз попытался подняться, но Сыянь уже подбежала, подхватила его за руку и закинула себе на плечо.

— Муж мой, что это за вещица? — спросила Сыянь, указывая на книжицу в руке Цзя И.

— Конечно же, книга, — брякнул не задумываясь Цзя И.

— Врешь! Все книги вырезают на бамбуковых плашках, разве такие бывают? — весело рассмеялась Сыянь, тут же поймав его на лжи.

Эти простые, сказанные невзначай слова Сыянь вдруг всколыхнули в душе Цзя И бурю починнее девяти валов.

<http://bllate.org/book/21107/2142388>